# ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «ГОСТЕПРИИМСТВО» В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

**Ражабова Зилола**
**магистрант 1 курса направления Лингвистика: Русский язык**
**Ургенчский государственный университет**

**Аннотация:** Настоящая статья посвящена сопоставительному изучению лингвокультурного концепта «гостеприимство / меҳмондорчилик» на материале русского и узбекского языков. Привлечение данных лексикографии, фразеологии и паремиологии позволяет охарактеризовать понятийный, образный и ценностный компоненты концепта в каждой из рассматриваемых лингвокультур. В результате анализа устанавливаются как общие для двух традиций черты, так и культурно-специфические особенности, обусловленные историей, религией и социальным укладом народов.

**Ключевые слова:** лингвокультурный концепт, гостеприимство, меҳмондорчилик, русская лингвокультура, узбекская лингвокультура, сопоставительный анализ, паремиология.

## 1. Введение

В современной лингвокультурологии концепт рассматривается как фундаментальная категория, в которой сосредоточен коллективный опыт народа, его представления о мире и система ценностных приоритетов. Ю.С. Степанов характеризует концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» 1 . Применительно к лингвокультурологическому аспекту В.И. Карасик конкретизирует это понятие, определяя его как «условную ментальную

1 *Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. -М.: Академический проект, 2026. -С. 43.*

единицу, направленную на комплексное изучение языка, сознания и культуры»2.

Среди многообразия культурных концептов особого внимания заслуживает «гостеприимство»: данный феномен отражает устойчивые поведенческие стереотипы, нравственные нормы и социальные ожидания, характерные для русского и узбекского народов. Оба этноса на протяжении веков находились в зоне активных торговых и культурных контактов, что закрепило за традицией приёма гостей исключительно высокий статус в национальной картине мира. Задача настоящей работы состоит в том, чтобы на основе сопоставительного анализа выявить смысловое наполнение данного концепта в каждой из двух лингвокультур, разграничив его понятийный, образный и ценностный пласты.

**2. Концепт «гостеприимство» в русской лингвокультуре**

Лексема *гостеприимство* представляет собой сложное образование, соединяющее основы *гость* и *принимать*. Согласно толкованию В.И. Даля, *гостеприимство* – «радушие в приёме и угощении гостей, безвозмездное угощение странников»3. Этимологические данные М. Фасмера указывают на то, что праславянское **gostь* соотносится с латинским *hostis* («чужеземец, враг») и *hospes* («хозяин, гость»)4. Эта семантическая двойственность – чужой как потенциальный враг и одновременно желанный гость – свидетельствует об архаическом напряжении между «своим» и «чужим», которое снималось именно через ритуал гостеприимства, временно включавший незнакомца в круг «своих».

2Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. –М.: Гнозис, 2004. –С. 129.

3Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. –М.: Русский язык, 1999. –Т. 1. –С. 388.

4Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. О.Н. Трубачёва. –М.: Прогресс, 1986. –Т. 1. –С. 448.

Образный пласт концепта наиболее полно раскрывается через паремиологическое богатство русского языка:

*«Гость в дом – Бог в дом»*

*«Не красна изба углами, а красна пирогами»*

*«Незваный гость хуже татарина»*

*«В гостях хорошо, а дома лучше»*

Показательна внутренняя противоречивость, обнаруживаемая при сопоставлении приведённых пословиц: с одной стороны, гость возводится до уровня Бога и приветствуется с безграничным радушием, с другой – незваный визитёр воспринимается как нарушитель покоя. Данная амбивалентность отражает принципиальную для русской культуры закрытость домашнего пространства. Ядром образного слоя концепта выступает *застолье*: «хлеб-соль» как ритуальный знак радушия, накрытый стол как мера уважения к гостю. А.К. Байбурин и А.Л. Топорков констатируют, что «ритуал встречи и проводов гостя в русской традиции был жёстко регламентирован: от приветственных слов до подносимой чарки»5.

На уровне ценностного слоя гостеприимство осмысляется как нравственная обязанность: отказать гостю – значит нарушить негласный этический кодекс и уронить честь дома. Вместе с тем граница между публичным и приватным остаётся строгой: дом открывается для гостя избирательно, и это обстоятельство принципиально отличает русскую традицию от узбекской.

**3. Концепт «меҳмондорчилик» в узбекской лингвокультуре**

В узбекском языке понятие гостеприимства кодируется словом *меҳмондорчилик*, которое складывается из трёх морфологических элементов: *меҳмон* (гость) + *дор* (принимающий) + словообразовательный суффикс -*чилик*. Толковый словарь узбекского языка трактует *меҳмондорчилик* как

5Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. –Л.: Наука, 1990. –С. 74.

«традицию принятия гостей, угощения их с уважением и вниманием» 6. Компонент *меҳмон* восходит к персидско-таджикскому *mihman*; уже в XI в. Маҳмуд Кошғарий фиксировал данную форму в значении «тот, кого принимают с честью» 7. Важно отметить: персидское заимствование изначально несёт в себе аксиологическую нагрузку – не просто «человек, пришедший в дом», а *тот, кто по самой природе своей достоин почёта*.

Паремиологический фонд узбекского языка содержит целый пласт единиц, формирующих образный слой концепта:

*«Меҳмон – Худонинг меҳмони» («Гость – гость Бога»)*

*«Уй ўзингники, дастурхон меҳмонники» («Дом – твой, дастархан – гостя»)*

*«Меҳмонсиз уй – зиёсиз чироқ» («Дом без гостей – светильник без света»)*

*«Меҳмон кўп бўлса, барака кўп бўлади» («Много гостей – много благодати»)*

Центральным образом в узбекской традиции является *дастархан* – скатерть, уставленная угощениями. Это не просто предмет быта: дастархан символизирует пространство духовного единения, где социальные различия стираются перед лицом общего хлеба. Т.Б. Наврузов описывает ритуал приёма гостя как строго упорядоченную последовательность действий: встреча у ворот, препровождение на почётное место (*тўрга ўтказмоқ*), незамедлительное угощение, уважительная беседа и торжественные проводы8.

6Рахимов С. Узбек тили изохли лугати. –Ташкент: Узбекистан, 2019. –Т. 1. –С. 214.

7Маҳмуд Кошғарий. Девону луғотит турк / Тарж. С. Муталлибов. –Тошкент: Фан, 1960. –Т. 1. –С. 73.

8Наврузов Т.Б. Концепт «меҳмондорчилик» в узбекской лингвокультуре // Вестник СамГУ. –2020. –№ 3. –С. 114.

Ценностный слой концепта в узбекской лингвокультуре формируется тремя взаимосвязанными началами. Первое – исламское вероучение, предписывающее уважение к гостю как богоугодное дело и наделяющее гостеприимство статусом религиозного долга. Второе – представление о госте как носителе *барака* (благодати): его появление в доме расценивается как знак божественного благоволения. Третье – кодекс чести *ор-номус*: недостойный приём гостя бросает тень не только на хозяина, но и на всю его семью, поэтому щедрость становится мощным социальным регулятором поведения.

**4. Сопоставительный анализ**

З.Д. Попова и И.А. Стернин справедливо указывают, что «национальная специфика концептов обусловлена различиями в культурных нормах и ценностях»9. Именно поэтому сопоставительное изучение даже близких по содержанию концептов неизменно обнаруживает как зоны совпадения, так и принципиальные расхождения.

**Универсальные компоненты.** Первым и наиболее очевидным совпадением является сакрализация гостя: русская пословица «Гость в дом – Бог в дом» и узбекская «Меҳмон – Худонинг меҳмони» независимо друг от друга возводят гостя к Богу, что свидетельствует об общечеловеческой природе данной установки. Второй универсалией служит трапеза как кульминационный момент приёма: накрытый стол в русской традиции и дастархан в узбекской выполняют одну и ту же семиотическую функцию – воплощают уважение в видимой, осязаемой форме. Третья черта – обязательная ритуализированность поведения: нарушение этикета хозяином или гостем влечёт общественное осуждение в обеих культурах.

**Культурно-специфические черты.** При всём сходстве концепты обнаруживают пять значимых расхождений.

9Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. –М.: АСТ: Восток –Запад, 2007. –С. 74.

(1) *Отношение к незваному гостю.* В русской традиции незваный гость воспринимается как нежелательный: «Незваный гость хуже татарина». Напротив, в узбекской культуре именно внезапный приход гостя считается особой честью – «Эшигингни очиб қўй» («Держи ворота открытыми»): ворота, открытые всегда, – знак готовности принять любого.

(2) *Устройство домашнего пространства.* Русский дом исторически был ориентирован на защиту: закрытые ворота, деление на «свою» и «чужую» зоны. Традиционное узбекское жилище, напротив, архитектурно проектировалось с расчётом на гостя: отдельная комната для приёма – *мехмонхона* – была обязательным элементом дома, что само по себе выражает культурную установку на постоянную готовность к принятию гостей.

(3) *Религиозная мотивация.* Гостеприимство в узбекской культуре укоренено в нормах ислама: многочисленные хадисы прямо предписывают уважение к гостю. В русской православной традиции религиозная подоплёка также присутствует, однако в современном бытовом сознании она выражена значительно слабее.

(4) *Гендерное измерение.* Узбекская традиция предполагает раздельное принятие мужчин и женщин; в русской культуре подобного жёсткого разграничения не существует – гости обоих полов участвуют в совместном застолье.

(5) *Временной горизонт.* Пословица «В гостях хорошо, а дома лучше» имплицитно ограничивает срок пребывания гостя. В узбекской культуре хозяин обязан обеспечивать гостя кровом и пропитанием столько, сколько тот пожелает, – никакого временно́го лимита не предусмотрено.

Ш. Сафаров отмечает, что «концепт меҳмондорчилик встроен в систему коллективных ценностей, где индивидуальный интерес подчиняется

интересу общины» 10 . Именно коллективистская природа узбекского общества объясняет, почему гостеприимство здесь носит характер безусловного долга, а не факультативной добродетели.

**5. Заключение**

Проведённое исследование позволяет констатировать, что концепт «гостеприимство / меҳмондорчилик» занимает одно из ключевых мест в аксиологических системах обоих народов. На уровне универсального содержания оба концепта объединяются представлением о сакральном статусе гостя, центральной роли совместной трапезы и обязательной ритуализированности поведения – признаки, восходящие к общечеловеческим нормам межличностного взаимодействия. Национальная специфика определяется, с одной стороны, историческим типом социальной организации: русская культура тяготеет к охране приватного пространства и разграничению «своих» и «чужих», тогда как узбекская – к коллективизму и максимальной открытости дома для гостя. С другой стороны, религиозный фактор играет в узбекской традиции несравнимо бóльшую нормативную роль, превращая гостеприимство из нравственного обычая в предписание веры. Практическое применение полученных выводов возможно в курсах по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и методике преподавания русского языка как иностранного.

**Список использованной литературы**

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 1. – 699 с.

10Сафаров Ш. Когнитив тилшунослик. –Жиззах: Сангзор, 2006. –С. 96.

4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. О.Н. Трубачёва. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 576 с.

5. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. – Л.: Наука, 1990. – 166 с.

6. Рахимов С. Узбек тили изохли лугати. – Ташкент: Узбекистан, 2019. – Т. 1. – 624 с.

7. Маҳмуд Кошғарий. Девону луғотит турк / Тарж. С. Муталлибов. – Тошкент: Фан, 1960. – Т. 1. – 499 с.

8. Наврузов Т.Б. Концепт «меҳмондорчилик» в узбекской лингвокультуре // Вестник Самаркандского государственного университета. – 2020. – № 3. – С. 112–118.

9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

10. Сафаров Ш. Когнитив тилшунослик. – Жиззах: Сангзор, 2006. – 156 с.